

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ ЯЗЫЧЕСТВА У ЛОПАРЕЙ

В предыдущей главе мы с достаточной полнотой оттенили значение христианства для лопарей. Вне всякого сомнения, распространение его среди этого народа неусыпными трудами благочестивых государей и священников принесло уже большую пользу в деле искоренения их древних языческих суеверий и проистекающего от них зла.

Тем не менее, сохранилось еще немало пережитков язычества, борьба с которыми потребует еще много забот и сил. Об этом красноречиво говорит не раз цитировавшийся нами Самуил Реен: "Даже и теперь еще сохранилось в народе множество суеверий и грубейших заблуждений". Ввиду этого не лишено оснований разделяемое многими мнение, что большая часть лопарей только внешне исповедует христианство, в глубине же души остается преданной язычеству. Хотя им и хочется казаться праведными, набожными, истинными христианами, — добавляет Реен, — но в действительности дороже всего для них заблуждения их предков".

Подобным же образом еще за много лет до нашего времени отзывался о лопарях и Петр Клауд: "Хотя они и приносят своих детей к священникам и хлопочут о том, чтобы они были крещены, посещают в определенные дни года храмы, где они слушают проповеди и причащаются, но во всем прочем настолько ясно показывают свою преданность язычеству, что все это кажется одним притворством".

Я считаю, что несправедливо обвинять в этом всех лопарей, т.к. житейский опыт сплошь и рядом доказывает обратное, но то, что многие из них действительно лишь прикрываются христианской религией, оставаясь по существу чуждыми ей, не подлежит сомнению.

Причин того, что они с таким трудом отрываются от своих суеверий и нечестия, не одна, а целое множество. Самая главная из них та, о которой писал еще Циглер: "Вина в том, что немногие из лопарей охотно принимают христианство, лежит на представителях церкви, которые или мало заботятся о христианском просвещении народа, или же еще юную в этой стране веру Христову заставляют тотчас вянуть, пытаясь под ее покровом навязать народу поборы и подати". Смысл этих слов ясен: лопари, прежде не отличавшиеся богатством, вследствие подобных требований священников становятся еще беднее, к чему они, естественно, не могут относиться равнодушно.

Олаф Магнус пытается умалить значение этого объяснения, называя его "нечестивым и лживым", но своим опровержением лишь подтверждает обратное. Он указывает на то, что священники заняты паствой главным образом в южных провинциях, что, например, брат его Иоанн доходил в своих объездах до самой Ями (Jemptiae), собрав для бедняков этих областей много соли и других припасов в северных приходах. Все это лишь подтверждает мнение, высказанное Циглером.

Впрочем, эта причина, благодаря заботам и щедрости Его Королевского Величества, в настоящее время почти устранена, как будет видно из дальнейшего повествования. Остается еще одна причина — дальность расстояний, о чем на этот раз с большим основанием говорит Олаф Магнус: "Причина того, что лопари медлят воспринять христианство, и притом самая очевидная, заключается в громадности расстояний в этой стране, где сплошь и рядом они бывают удалены от христианских церквей более чем на двести итальянских миль" (294,5 km (1 italiensk mil = 5 000 romerska gamla fot.)).

Хотя значение и этого обстоятельства несколько ослаблено в наши дни тем, что в самой Лапландии выстроено несколько храмов, но все-таки из-за дальности расстояний священники редко могут объезжать свою паству. Так, например, мы уже упоминали о настоятеле из Лулео, который лишь с величайшим трудом и лишениями мог выполнять свои обязанности на громадной территории, которую ему приходилось обслуживать.

Это, с одной стороны, с другой — необходимо помнить, что этот народ отличается врожденной склонностью к суеверию. Об этом уже много говорилось выше, да и ежедневное наблюдение лишь подтверждает сказанное. Происходит это, главным образом, потому, что лопари живут в самых диких и пустынных местах, среди лесов, полных дикими зверями, вдали от человеческого общества, одиноко, лишь в кругу замкнутой в себе семьи, отделенной от других семей громадными пространствами, порой в несколько десятков миль.

Кроме того, их главным занятием является охота, а этому охотничьему образу жизни почему-то всегда присуща какая-то удивительная склонность ко всяческим суевериям и легкость общения с демонами.

Вероятно, люди, ведущие такую одинокую жизнь, будучи лишены поддержки и помощи со стороны людей, с легкостью обращаются к недозволенному и нечестивому, к содействию злых духов, не надеясь получить его от себе подобных.

Одиночество делает их более смелыми в этом отношении, т.к., не видя вокруг себя никого, кто бы мог осудить их, они не опасаются наказания. Все эти обстоятельства и Самуил Реен выдвигает в качестве одной из причин, заставляющей лопарей так упорно держаться за свои древние предрассудки: "...потому, что живут среди горных круч и в диких местах, далеко от человеческого общества".

Вторая причина заключается в высоком мнении об уме и способностях своих предков, прекрасно знавших, как им кажется, каким божествам и какими способами следует поклоняться. Без уважения их памяти лопари не считают возможным отступать от завещанных ими обычаев и обрядов и таким отречением как бы бросают им упрек в невежестве или нечестии.

Подобные взгляды присущи всем языческим народам, о чем упоминает даже Цицерон, говоря: "Они считают своим долгом сохранять всех богов, которых получили по наследству от отцов, и ревностно поклоняться им". Об этом же говорит и Самуил Реен: "Превыше всего они ценят суеверие своих предков и указывают при этом, что так, мол, жили и предки, которых они называют "древними родителями" (antiquos), такие, мол, у них были обряды и обычаи".

Наконец, следует третья причина – укоренившаяся привычка, она с трудом забывается, превратившись в своего рода закон. Отвращая их от понимания истинного благочестия, она окутывает их разум такою мглою, что они теряют способность отличать ложь от истины. И на это указывает Реен как на причину их упорства: "...потому что с древнейших времен они жили в страшной тьме и грубейшем невежестве".

Учитывая все эти причины, мы поймем, почему так много еще сохранилось у лопарей языческих суеверий, остатков идолопоклонства и нечестивых заблуждений, для искоренения которых потребуется еще много времени. Нечто подобное мы видим у многих крестьян и вообще у простонародья не только в Швеции, но и в Германии, Франции, Московии и в других странах – массу вздорных суеверий и предрассудков, удержавшихся еще со времен язычества.

Сохранившиеся у лопарей пережитки этой древней эпохи можно разделить на две большие группы: во-первых, нечестивые, языческие суеверия и обычаи; во-вторых, дьявольские занятия магией, колдовством и чародейством. Много из отнесенного нами к первой группе просто, незначительно и неважно, кое-что явно нечестиво и пахнет подлинным язычеством. К пустякам мы относим их обычай считать одни дни светлыми, другие черными (счастливыми и несчастными), так, например, черными днями они считают Екатеринбург день, Марков день, который они называют и Климентовым днем. В эти дни они воздерживаются от всякой работы и даже не охотятся. Они объясняют это тем, что если пойти в этот день на охоту, то обязательно порвешь лук или переломашь стрелы, а кроме того на весь год потеряешь удачу в охоте. (Об этом рассказывает Самуил Реен.)

Подобным же образом они считают несчастным первый день Рождества Христова, в который отцы семей ни под каким видом не выходят из своего жилища и даже не ходят в церковь, а лишь посылают туда своих сыновей и дочерей со слугами и родственниками. Они боятся увидеть толпы привидений и всяких чудовищ, которые, по их поверью, в этот день массами носятся по воздуху и которых

они должны умиловить особыми жертвоприношениями, как увидим ниже.

Я подозреваю, что источником этого суеверия, послужили плохо понятые ими рассказы священников, что в ту ночь, когда родился Спаситель, на землю спустились сонмы ангелов, испугавшие находившихся в поле пастухов.

Помимо этого они верят в разные предзнаменования. Циглер, например, сообщает, что они делают разные предположения относительно событий наступающего дня в зависимости от того, какого зверя встретят утром на дороге. Или, например, следят за тем, чтобы женщина не вышла через ту же дверь, через которую вошел охотник, т.к. это будто бы приносит неудачу.

Подобных мелких суеверий у них великое множество. К числу более серьезных, нечестивых и языческих, относится, например, то, что они лишь с большой неохотой и по принуждению посещают церкви, как сообщает Самуил Реен, а также упорно отказываются признать некоторые учения христианской церкви, в особенности, например, догмат о воскресении из мертвых, о загробной жизни и о бессмертии души. У них распространен взгляд, что души людей и животных одинаково умирают и убедить их в том, что после этой жизни наступает другая, почти невозможно.

В доказательство привожу слова Реена: "Лопари до того еще грубы, что не желают верить в воскресение из мертвых, в существование души и в загробную жизнь. Они считают, что между душой животных и человека нет разницы".

Иоанн Торней рассказывает, что в Торнеоской Лаппмаркии один старый священник по имени Георгий, сам лопарь по происхождению, завещал, чтобы его похоронили среди лопарей с целью укрепить их веру в воскресение из мертвых. Я привожу подлинные слова Торнея: "В этом храме (Раунала) я отпевал одного старого священника – лопаря, который перед смертью завещал, чтобы его похоронили среди лопарей, желая утвердить их веру в воскресение из мертвых тем, что они должны будут воскреснуть вместе с ним в день Страшного суда."

При жизни в своих проповедях он часто говорил им о загробной жизни". Однако к приведенным ранее сообщениям Самуила Реена он сам прибавляет, что лопари все-таки верят, что после смерти человека от него останется нечто, они лишь не знают, каково оно и что из себя представляет.

Это совершенно языческим взгляд, который и поро-

дил их веру в манов (Manes), т.е. в тех домашних духов, которые остаются (manent) после смерти человека. Я уверен, что таким образом и возникло это слово, а не иным путем, как многие предполагают.

Наряду с истинным Богом и Христом они чтят еще и своих языческих богов, как будто можно одновременно служить Богу и дьяволу и угодить тому и другому таким половинчатым поклонением.

Лопари Питеоского и Лулеоского округов имеют много главных и второстепенных богов. К числу первых относятся три наиболее почитаемых божества: Тор, или Торден (Thorus s Thordoен), Сторюнкар и солнечный бог (Солнце). "Главные боги у них, – говорит Самуил Реен, – Тор, или Торден, Сторюнкар и Солнце".

Дамиан Гоен утверждает, что лопари поклоняются огню и каменным идолам, но эти каменные идолы являются лишь изображением Сторюнкара, как будет видно из дальнейшего, что же касается огня, то в данном случае его можно рассматривать лишь как символ Солнца, ибо огонь как таковой никем из них не признается за божество, и в этом отношении утверждение Гоена не соответствует действительности.

Иоанн Торней так разъясняет это недоразумение: "Среди ученых богословов нашей церкви весьма распространен взгляд, что лопари, подобно прочим восточным народам, поклоняются огню. Мне, однако, не удалось усмотреть этого, несмотря на тщательнейшие исследования, ни из дошедших до нас древних преданий народа, ни из каких-либо других источников".

Мне лично неизвестны богословы, высказывавшие подобные взгляды, кроме разве одного Павлина (Paulinus), да и он мог прийти к таким выводам, единственно лишь основываясь на показаниях Дамиана Гоена. Пейцер добавляет к каменным идолам лопарей еще и деревянных, говоря на страницах своего сочинения "О волхвовании" следующее: "Лопари воздавали божеские почести камню и дереву". Опять-таки, как будет видно из последующего, это можно отнести к деревянным идолам, изображающим у них Тора, и в конце концов, по крайней мере у питеоских и лулеоских лопарей, в центре культа остаются лишь три вышеупомянутые божества. Торнеоские и кемские лопари, по-видимому, ничего не знают о них и взамен этого поклоняются другим богам, известным у них под именем Сейтов (Seitae).

Приведем относящиеся к этому слова И. Торнея: "Торнеоские и кемские лопари не знают Сторюнкаров... Они поклоняются камням и пням. Каждая семья имеет своих идолов, не считая множества других, которые стоят в определенных местах у озер. Но среди всех этих божеств у них есть один главный бог, которого чтит весь округ, его,

как, впрочем, и других мелких, они называют Сейтом (Seitae). Хотя это имя, Сейт, у лопарей, по-видимому, обозначает всякое вообще божество, но есть основание думать, что, в частности, под ним подразумевается тот бог, который соответствует Тиермесу (Tiernus) или Айке (Auke) лулеоских лопарей, т.е. Громовержцу, называемому иначе Тором, в особенности это относится к тому главному Сейту, которого они считают владыкой других богов".

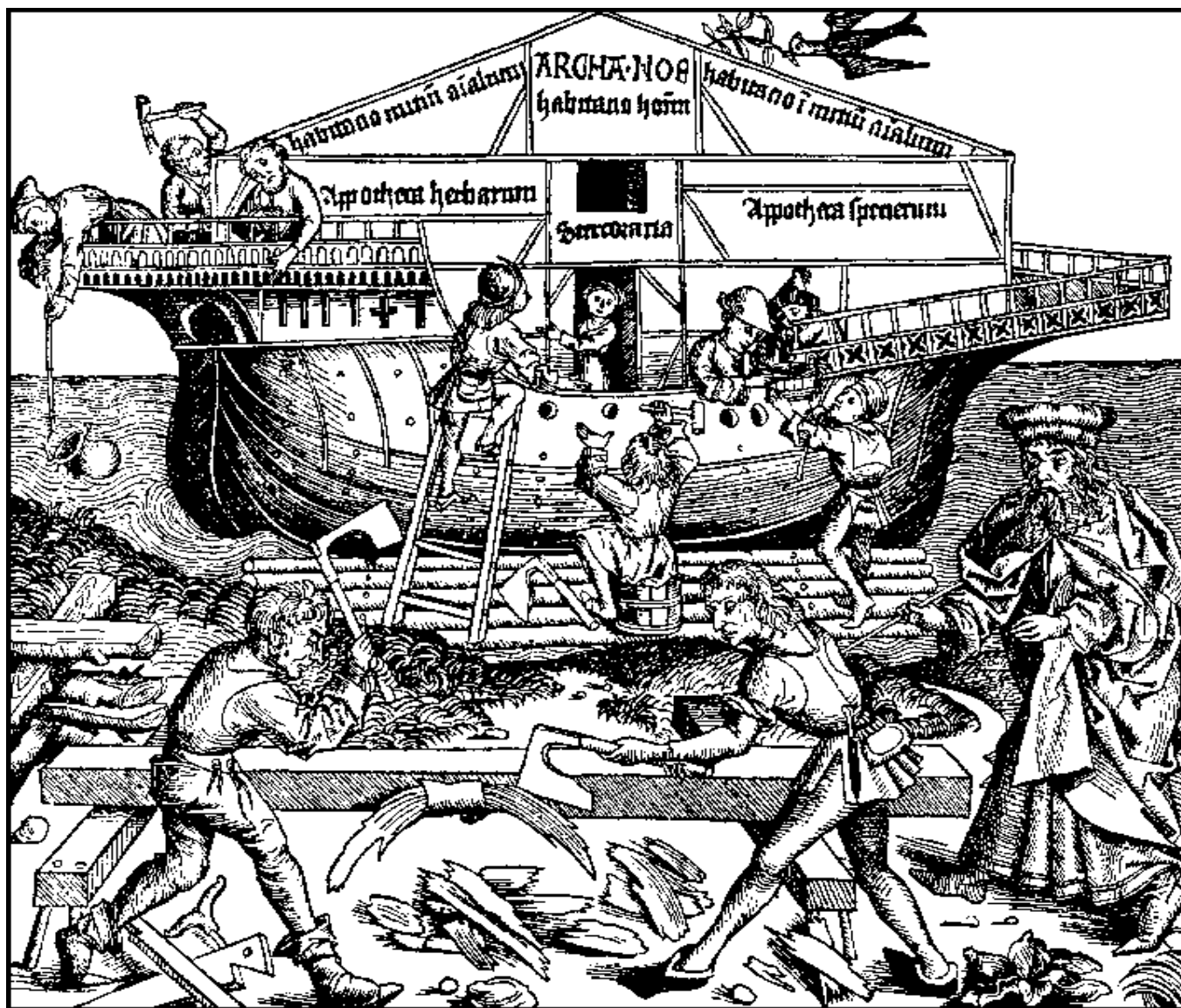
Другие мелкие божества, которых лулеоские лопари называют Сторюнкарами, совсем не являются какими-либо новыми божествами, а теми же самыми, что и перечисленные выше, различие заключается лишь в том, что торнеоские лопари, в отличие от прочих, предпочитают родовые названия богов более индивидуальным. Так, например, они одинаково называют Сейтами всех богов, для которых у лулеоских и питеоских лопарей есть специальные названия Тиермес, Айке или Сторюнкары. Если внимательно присмотреться к культуре и к связанным с ним представлениям, то легко убедиться, что между торнеоскими лопарями и другими их сородичами нет в этом отношении никакой разницы. Кроме перечисленных выше трех главных богов, питеоские и лулеоские лопари имеют также много мелких, что мы видим и в области Торнео с той лишь разницей, что там не делают различий между главными и второстепенными, называя их одними и теми же именами. Исключение представляет лишь одно божество, известное под названием Виру Акка (Wiru Accha).

По моему мнению, это тот самый бог, о котором Олаф Петерсон Ниурений пишет: "У кемских лопарей есть бог Виресака (Viresaka), который имеет человеческое лицо на вершине обрубленного дерева". Его кемские и торнеоские лопари называют также Виресака, Вирку и Виру Акка.

У Торнея встречаются такие слова: "В центре Торнеоской области некогда большой славой пользовался Сейт, называющийся Виру Акка.

Ему поклонялись все окрестные лопари и долгое время приносили ему жертвы до тех пор, пока торнеоские биркарлийцы (из прихода Birkarli), которые как раз получили тогда разрешение вести торговлю с лопарями, не повергли его на землю. Однако, несмотря на то, что они повалили его и оттащили очень далеко от того места, где он прежде стоял, лопари скоро нашли его и вновь водрузили идола. Теперь он уже почти сгнил, но и раньше никогда не имел человеческого облика, а представлял собой простой обрубок, какими обыкновенно бывают и другие идолы". Итак, этот единственный бог, который носил специальное имя и был предметом поклонения у торнеоских лопарей, теперь уже полуразрушен и предан забвению. Названия прочих

идолов те же, что и главных богов. Хотя Торней не указывает, что представляли из себя более мелкие боги и для какой цели поклонялись им в старину или даже и теперь, но можно предположить, что они в одинаковой степени характерны были для всех лопарей, а не только для торнеоских. В числе этих мелких богов они прежде всего поклоняются самим себе – в том смысле, что именно к этому виду божеств следует отнести то, что мы назвали выше манами. Они, несомненно, представляют собой особый вид богов, души умерших, это видно из того, что лопари боятся мертвых и считают, что нечто, остающееся после смерти, может причинять вред окружающим.

Приблизительно таким образом и древние римляне смотрели на манов. Например, у Сервия читаем: "Маны – это души, вышедшие из тела умершего и еще не вселившиеся в другие тела. Они опасны". Напомним, кстати, слова Реена: "Они верят, что после смерти остается нечто, и поэтому очень боятся мертвых", а также и Пейцера: "Особенно их пугают и волнуют маны умерших родственников".

Наше мнение о том, что маны у лопарей представляют собой особые божества, подтверждается и тем, что они приносят им жертвы. В находящейся в моем распоряжении анонимной рукописи прямо говорится: "Они приносят жертвы умершему и умершим".

Кроме манов они верят еще в разные привидения или в демонов, которые блуждают по склонам, горам и озерам, рекам, воздавая им божеские почести, подобно тому как римляне приносили жертвы фавнам, силванам и тритонам. "Они думают, – говорит Самуил Реен, – что повсюду: на высоких скалах, в горах и болотах – водятся нечистые духи, тролли (Troll)".

Наконец, они признают еще и третий вид – гениев, добрых и злых, носящихся по воздуху, в особенности на Рождество, как было уже сказано выше. Им они также приносят жертвы, по словам того же Самуила Реена, который говорит по этому поводу следующее: "Такие жертвы они приносят блуждающим полчищам Юхлио (Juhlio), которые в это время носятся по воздуху". Эти полчища Юхлио названы так от слова Juhl, которым они обозначают праздник Рождества. В древние времена оно относилось к Новому году, как я доказал в своих упсальских лекциях. Т.к. лопари считают, что в этот день особенно большие полчища этих привидений, или гениев, носятся по воздуху, то они и назвали их этим именем.

Таковы многочисленные божества, которым лопари поклоняются одновременно с истинным Богом и Спасителем. В дальнейшем мы уже специально займемся ими и теми обрядами, которые связаны с их культом.